

ЛОЛА
МАГNUM

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Жестоким
РЕШАЛА
БЕЗ ПРАВА НА ЛЮБОВЬ

Лола Магнум

**Жестокий решала.
Без права на любовь**

«Автор»

2026

Магнум Л.

Жестокий решала. Без права на любовь / Л. Магнум — «Автор», 2026

Он уничтожил моего отца и теперь я — его собственность. Решала. Мужчина, которого боятся все. Ему 48, он решает чужие проблемы методами, о которых лучше не спрашивать. Когда мой отец не смог вернуть долг в пятнадцать миллионов, он покончил с собой. А я осталась — с долгом и жаждой мести. Он предложил сделку: работать на него и закрыть долг. Я согласилась, но в запале пообещала, что я найду способ уничтожить его. Он усмехнулся и пожал мне руку, дав мне на это год. Сделка заключена. Я должна его ненавидеть. Каждой клеткой. Каждым вдохом. Но между нами вспыхивает то, чего не должно быть — страсть, жёсткая и беспощадная. Он прикасается — и я забываю, кто он. Он целует — и я предаю память отца. Я влюбляюсь в человека, которого поклялась уничтожить. И не знаю, что страшнее — выполнить обещание или сдаться чувству, на которое у меня нет права. Год на двоих. Любовь против ненависти. Кто победит — узнаем в финале.

© Магнум Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лола Магнум

Жестокий решала. Без права на любовь

Глава 1

Я никогда не думала, что моя жизнь рухнет в одну секунду. Что человек может войти в твою реальность и разрушить её до основания, даже не моргнув.

Игнат Решетов вошёл в кабинет отца без стука.

Я как раз принесла папе обед, он третий день не выходил из ресторана, нервничал, почти не ел. Говорил, что проблемы с поставщиками, но я видела — он врёт. Отец всегда поджимал губы, когда врал. Эту привычку я знала с детства.

— Пап, ну поешь хоть немного, — я поставила судок с домашним борщом на стол, заглядывая ему в глаза. — Ты совсем осунулся.

— Спасибо, доченька, — он погладил меня по руке, но пальцы дрожали. — Я потом. Сейчас не до еды.

— Папа, что происходит? Может, я могу...

Дверь распахнулась.

На пороге стоял мужчина.

Высокий, метр девяносто, не меньше. Широкие плечи под безупречным чёрным костюмом, который сидел на нём как влитой. Седина на висках, жёсткие черты лица, словно высеченные из гранита. Но главное — глаза.

Господи, его глаза.

Карие, но, на удивление, холодные, как сталь. Взгляд хищника, который уже выбрал жертву и просто ждёт момента для броска. Никакого тепла, никакой человечности. Только расчёт и абсолютная уверенность в своей силе.

Я невольно отступила на шаг, чувствуя, как по спине пробежала холодная волна.

— Время вышло, Андрей Викторович, — голос был низким, спокойным. Слишком спокойным для того ужаса, который мгновенно разлился по лицу отца.

Папа вскочил из-за стола так резко, что опрокинул стул. Руки тряслись, лицо побелело.

— Господин Решетов, я... я просил ещё неделю, — в голосе звучала мольба, и я поморщилась. Никогда не слышала, чтобы отец так говорил — жалко, униженно. — У меня будут деньги, клянусь! Просто мне нужно немного времени!

— Ты просил неделю месяц назад, — мужчина прошёл вглубь кабинета, двигаясь как пантера — плавно, но с угрозой в каждом шаге. Дорогие туфли бесшумно ступали по паркету. — Потом ещё неделю. Потом ещё. Я не благотворительный фонд, Андрей.

Он остановился у стола и положил на него руку — крупную, с длинными пальцами и старым шрамом на костяшках. Руку человека, который умеет и не боится применять силу.

— Пятнадцать миллионов, — продолжал он ровным тоном, словно говорил о погоде. — Люди, которые дали тебе эти деньги, не любят ждать. И мне платят не за то, чтобы я слушал оправдания. Мне платят за результат.

Пятнадцать миллионов?!

Воздух застрял в горле. Я уставилась на отца, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха.

— Пап... — голос прозвучал хрипло. — О чём он говорит? Какие пятнадцать миллионов?

Отец обернулся, и я увидела в его глазах то, что заставило моё сердце ухнуть вниз: стыд. Страх, отчаяние и понимание, что я узнала то, что он так тщательно скрывал.

— Вика, уйди, — прохрипел он. — Пожалуйста, доченька, уйди отсюда.

— Не уйдёт, — мужчина перевёл взгляд на меня, и я почувствовала, как мои колени подкашиваются.

Он смотрел так, будто видел насквозь каждую мысль, каждый страх, каждую слабость. Изучал меня так пристально, что я поняла — он уже оценил, проанализировал, занёс в какую-то ментальную базу данных.

— Дочь? — спросил он, не отрывая взгляда.

— Не трогайте её! — отец шагнул вперёд, заслоняя меня своим телом. — Она не при чём! Это мои долги, только мои!

— Твои долги, — кивнул мужчина, и в его голосе прозвучала насмешка. — Но ты не собираешься их отдавать, верно? Думал сбежать? Или просто тянул время в надежде, что мы забудем?

— Я отдам! Всё отдам! — в голосе отца зазвучала истерика. Он протянул руки, словно молился. — Дайте мне ещё немного времени, пожалуйста! Неделю! Даже пять дней!

— Нет.

Одно слово. Короткое, жёсткое, окончательное. Произнесённое с такой холодной уверенностью, что спорить было бессмысленно.

Мужчина достал из внутреннего кармана пиджака телефон и что-то набрал. Через минуту дверь открылась, и в кабинет вошли двое громил. Молча, профессионально. Один направился к сейфу, второй начал осматривать комнату.

— Что вы делаете?! — я бросилась вперёд, но отец схватил меня за руку, удерживая.

— Не надо, Вика, пожалуйста...

— Описываем имущество, — спокойно пояснил мужчина, не поднимая глаз от экрана телефона и совершенно не обращая внимания на нашу панику. — Ресторан, квартира, машины. Всё пойдёт в счёт долга. Если хватит.

— Вы не имеете права! — голос сорвался на крик. Я вырвалась из рук отца и шагнула к этому... монстру, сжав кулаки. — Это незаконно! Я вызову полицию!

Он наконец поднял на меня глаза.

И усмехнулся усмешкой хищника, услышавшего угрозу от мыши.

— Вызывай, — он спокойно убрал телефон в карман, скрестил руки на груди. — Объяснишь им, откуда у твоего отца пятнадцать миллионов долга. И почему он связался с людьми, которые не работают через суды. Заодно расскажешь, куда он их дел.

Я обернулась к отцу. Он стоял, опустив голову, и молчал.

— Пап? — прошептала я. — Где деньги?

Молчание было ответом.

Мои ноги подкосились и схватилась за спинку стула, чувствуя, как мир рушится.

— Что вы хотите? — выдавила я, ненавидя дрожь в голосе. — Деньги? Мы отдадим! Как-нибудь! Просто...

— Я хочу деньги, которые должен твой отец, — перебил мужчину. — Я пообещал их вернуть серьёзным людям.

Он подошёл ко мне ближе, и я почувствовала запах его дорогого парфюма с нотками кедра, кожи и чего-то терпкого. Запах власти и опасности.

— Или эквивалент. У вашего отца есть пять дней, чтобы найти пятнадцать миллионов. Иначе он потеряет всё.

Отец всхлипнул:

— Это невозможно! Я не смогу!

— Ты сам пять минут назад просил пять дней, не так ли?

— Это невозможно... — хрипло прошептал отец

— Возможно, — холодно отозвался мужчина. — Если постараться. Продай ресторан срочно, займи у знакомых, заложу квартиру. Варианты есть. Вопрос в том, готов ли ты ими воспользоваться.

Он кивнул своим людям, те прекратили обыск и пошли к выходу.

И тут я не знаю, что на меня нашло.

Ярость? Отчаяние? Страх за отца, который стоял, сломленный, с опущенными плечами?

Я схватила со стола первое, что попало под руку, это была тяжёлая стеклянная пепельница в виде льва, и метнула в спину уходящего мужчины.

Он молниеносно обернулся и поймал пепельницу в сантиметре от своего лица.

Лично для меня в тот момент остановилось и время, и пространство, и моё сердце.

Его люди, как по-команде, руки потянулись под пиджаки к оружию, я поняла это инстинктивно. Отец ахнул и схватился за грудь.

А мужчина смотрел на меня.

Всё так же спокойно, но в глазах появилось что-то новое. Интерес? Или оценка, что я ещё могу учудить? Беда в том, что я и сама этого не знала.

— Смелая, — произнёс он тихо, почти задумчиво, разглядывая пепельницу. — Глупая, но смелая.

Он положил пепельницу на стол и неторопливо подошёл ко мне.

Я чувствовала его тепло, видела золотистые вкрапления в карих глазах, тонкий шрам на скуле. Слышала его ровное дыхание — в отличие от моего, сбившегося и частого.

— Если ещё раз поднимешь на меня руку, девочка, — его голос был тих, но в нём звучала сталь, — тебе придётся отвечать. Лично. Понятно?

Я сглотнула, чувствуя, как сухо во рту, но не отступила. Подняла подбородок, встречая его взгляд, пусть внутри у меня всё и дрожало от страха.

— Понятно, — процедила я сквозь зубы. — Вам тоже понятно? Если с моим отцом что-то случится, я найду способ уничтожить вас. Любой способ.

Отец едва слышно охнул, и воцарилась тяжёлая звенящая тишина.

Потом уголок его губ дрогнул то ли в улыбке, то ли в усмешке.

— Запомню, — коротко бросил и направился к двери.

На пороге обернулся, посмотрел сначала на отца, потом на меня.

— Неделя, Андрей Викторович. Потом я вернусь. И если денег не будет... — он снова посмотрел на меня, и в этом взгляде было что-то, от чего по спине побежали мурашки, — расплачиваться придётся тем, что есть.

Дверь закрылась, отец рухнул в кресло и закрыл лицо руками. Плечи затряслись — он плакал.

А я стояла посреди кабинета, обнимая себя за плечи, и не могла перестать дрожать.

Этот человек.

Игнат Решетов.

Он был самым опасным, что когда либо входило в нашу жизнь, я чувствовала это каждой клеткой.

Холодный. Беспощадный. Неумолимый. Безжалостный.

Но почему-то, когда он смотрел на меня в последний момент, я увидела в его глазах что-то... человеческое?

Тогда я ещё не знала, что через три дня отец повесится в этом же кабинете, и что Игнат Решетов вернётся.

Глава 2

Отца хоронили в дождь.

Серое небо, серые лица, серые слова соболезнований. Я стояла у могилы в чёрном платье, которое купила утром в первом попавшемся магазине, и не чувствовала ничего.

Пустота. Огромная, ледяная пустота внутри.

Папа мёртв. Повесился три дня назад, когда я уехала на пару часов к подруге, просто выдохнуть, просто сделать глоток свежего воздуха и сил, потому что его паника и нервы сводили с ума.

Вернулась — а он в петле. В кабинете ресторана, на балке под потолком. Лицо синее, глаза открыты.

Как в тумане я вызвала скорую и полицию. Они сняли его, составили протокол. Самоубийство. Оставил записку: «Прости, доченька. Я не смог. Люблю тебя».

Не смог. Не справился с долгом. Предпочёл смерть.

А я осталась.

Хоронить. Разбираться. Жить дальше — если это вообще можно назвать жизнью.

— Вика, держись, — подруга сжала мою руку. — Если что-то нужно...

— Спасибо, — я выдавила дежурную улыбку.

Мне ничего не нужно. Кроме одного — чтобы всё это оказалось кошмаром. Чтобы я проснулась, а папа был жив.

Но я не просыпалась.

Люди начали расходиться и я осталась у могилы одна. Я стояла под моросящим дождём и смотрела на свежий холмик земли, на венки, на табличку с фотографией. Папа, молодой, счастливый, с мамой на руках, улыбался на снимке. Это было двадцать лет назад, до её смерти, до долгов, до...

— Соболезную, — вырвал меня из воспоминаний смутно знакомый мужской голос.

Я вздрогнула и обернулась.

Игнат Решетов стоял в паре метров от меня, в чёрном пальто, с зонтом в руке. Дождь барабанил по ткани, а он смотрел на меня всё тем же спокойным, оценивающим взглядом.

Ярость вспыхнула мгновенно и обжигающе, у меня потемнело в глазах

— Вы... — я шагнула к нему, сжав кулаки. — Вы посмели прийти?! На похороны человека, которого убили?!

— Я никого не убивал, — его голос был ровным. — Твой отец сделал выбор сам.

— Из-за вас! — я кричала, не стесняясь слёз, которые наконец прорвались. — Вы довели его! Запугали! Он не выдержал давления!

— Он взял деньги, — Решетов подошёл ближе, накрывая меня зонтом. — Пятнадцать миллионов. Потратил на казино, женщин и попытки спасти бизнес, который был убыточен изначально. Я всего лишь пришёл вернуть долг. Это моя работа.

— Работа? — я рассмеялась истерически. — Довести человека до самоубийства — это ваша работа?!

— Я дал ему неделю. Точнее, я несколько раз давал ему по неделе. Я предлагал варианты, выход, — он смотрел мне в глаза, и в его взгляде не было ни капли раскаяния, ни капли сожаления или, хотя бы, сочувствия. — Он выбрал смерть. Я не держал верёвку и не вышибал стул из под его ног.

Я замахнулась, чтобы ударить его, но он легко, почти небрежно, перехватил мою руку.

— Не надо, — предупредил он тихо. — Один раз я простил. Второго не будет.

Я дёргалась, пытаясь вырваться, но его хватка была железной.

— Ненавижу вас, — прошипела я. — Ненавижу всем сердцем!

— Правильно, — он отпустил меня и отступил. — Ненависть поможет пережить то, что будет дальше.

Я замерла.

— Что... что вы имеете в виду?

Решетов достал из кармана конверт, протянул мне.

— Долг твоего отца никуда не делся. Пятнадцать миллионов. По закону, долги умершего переходят на наследников.

Нет.

Нет-нет-нет.

— Я не брала эти деньги! — голос сорвался на крик. — Я не имею к этому отношения!

— Ты его единственная наследница. Ресторан, квартира, машина, счета в банках — всё переходит тебе. Вместе с долгами, — он кивнул на конверт. — Там документы. Можешь проверить у юриста.

Я открыла конверт дрожащими руками, достала первый попавшийся лист и пробежала глазами по строчкам.

Всё правда. Отец оставил мне всё. Значит... и долги тоже.

— Это незаконно, — прошептала я. — Суд...

— Не поможет, — перебил Решетов. — По закону наследники наследуют и долги в полной мере. И твой отец брал деньги не в банке. Люди, которые дали ему эти деньги, не работают через суды. Они работают через меня.

— Что вы хотите? — я подняла на него глаза. — У меня нет пятнадцати миллионов. Нет и близко такой суммы, и не будет, даже если я продам обе почки и сердце в придачу! — меня несло, и я не могла остановиться. — Так что можете и меня сразу повесить, потому что с меня нечего взять! — мой вопль разносился по унылому пустому кладбищу. распугивая ворон и бродячих собак.

Я выкрикнула и осеклась, сникла, вдруг почувствовав себя невероятно, смертельно уставшей. И внутри что-то оборвалось. Я больше не чувствовала себя человеком. Я чувствовала себя вещью, мебелью, пустым конвертом, который он держал в руках.

Отец оставил мне жизнь, и тут же продал её с молотка. А я... я даже не могла заплакать. Потому что плакать — это для живых. А я в эту секунду была просто долгом. Чужим. Неоплаченным. И от этого осознания хотелось исчезнуть. Просто перестать быть.

Решетов стоял, как мраморное изваяние, которые виднелись на некоторых могилах, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Знаю, — он сделал паузу. — Поэтому предлагаю вариант.

Я сжала конверт в руке.

— Какой?

— Ты работаешь на меня. Столько, сколько понадобится, пока ты не погасишь весь долг. Плачу́ я, как ты, я надеюсь, понимаешь, немало. Особенно за деликатного рода поручения. Курьер, помощник — всё, что скажу. Никаких вопросов, полное подчинение. Как только ты закроешь долг — ты уходишь на все четыре стороны.

Я молчала, пытаюсь осмыслить то, что он мне предлагал, а он продолжил:

— Не скажу, что ты справишься за один год, но и не до конца жизни... если, правда, ты не будешь душой. Ну считай, — он усмехнулся, — что ты ипотеку оформляешь. На свою жизнь и будущее.

Ипотека на жизнь. Надо же. Я всегда думала, что ипотека — это когда ты платишь за стены. А оказывается, можно платить за то, что ты дышишь. За право просыпаться утром. За право быть.

И самое смешное — у меня даже нет выбора. Потому что альтернатива — не платить. А не платить — значит не жить. Он всё рассчитал, он всё продумал. А я... я даже не могу сказать, что он не прав. Потому что он прав. И от этого ещё тошнее.

Значит, теперь у меня есть цель. Выплатить себя. Всю. По частям. Пока не останется ничего. Только пустота. И свобода. Если доживу.

Глава 3

Работать на него? На человека, из-за которого отец мёртв?

— Я не проститутка, — выплюнула я, но это было как агония перед смертью.

Уголок его губ дрогнул.

— Я не сутенёр. Мне нужен сотрудник, а не любовница.

Он скользнул по мне взглядом, от мокрых от слёз глаз до стоптанных туфель, и добавил ровно, без эмоций, что было хуже всего:

— И потом, милая. На любовницу ты не тянешь, даже от безысходности. Любовниц я выбираю сам. А ты — расходный материал.

Мои щёки загорелись алым цветом, а в висках забило набатом. Я для него вообще не человек. Не живая. Расходный материал.

— Будешь делать то, что скажу, — продолжал он, словно не видя меня и не обращая внимания на то, что я стояла прямо перед ним и задыхалась от гнева и ненависти, — доставлять документы, передавать информацию, иногда присутствовать на встречах. Мыть полы и бегать мне за презервативами, если я так захочу. Ничего противозаконного, ничего сексуального. Просто работа.

— А если откажусь?

Решетов посмотрел на меня долгим взглядом.

— Тогда долг твоего отца будет выбит другими методами. Ресторан, квартира, твои шмотки и даже кастрюли — всё уйдёт. Но этого не хватит, и мне придётся искать другие способы оплаты. И я их найду. И они тебе не понравятся.

Угроза моих бесперспективных перспектив, тяжёлая и реальная, повисла в воздухе.

Я стояла под его зонтом, у свежей могилы отца, и понимала, что выбора у меня нет.

Или рабство, не бесконечное, — ведь когда-то же я рассчитаюсь?, — у человека, которого я ненавижу... Или потеряю всё и окажусь в ещё худшей ситуации.

— Неделя, — сказала я хрипло. — Дайте мне неделю подумать, пожалуйста.

— Нет, — Решетов покачал головой. — Решение сейчас. Здесь. Даю минуту, это и так много. Но я сегодня щедрый. Да и горе у тебя, понимаю.

Минута. Он дал мне минуту. Я смотрела на него и вдруг поняла: он не торопится. Ему не важно, что я скажу, он уже знает ответ. Потому что он видел это сотни раз. Женщин, мужчин, стариков — всех, кто стоял вот так, с долгом на плечах, и смотрел на него, как на приговор.

Он не предлагает. Он сообщает. Я — не собеседник. Я — товар, «расходный материал». Я вдруг почувствовала себя грязной от того, что я стою и слушаю. Стою и не ухожу. Стою под его зонтом. Дышу его воздухом. И уже почти согласна. И от этого хотелось содрать с себя кожу.

— Щедрый... — прошептала я одними губами.

Щедрый. Он — щедрый.

Я стояла, вцепившись ногтями в ладони так, что вот-вот брызнет кровь, и чувствовала, как внутри поднимается что-то тёмное, горячее, слепое.

Ненависть. Такая, от которой хочется не плакать, а рвать, зубами, голыми руками. Мне хотелось вцепиться в это гладкое, сытое лицо, разорвать его, стереть эту снисходительную усмешку.

Он даёт мне минуту.

Он понимает моё горе.

Он — щедрый.

А я стою тут, под его зонтом, у могилы отца, который умер из-за него, и должна благодарить. За подачку. За минуту. За право дышать. Я сжала зубы так, что у меня заскрипело в

ушах. Только бы не сорваться. Только бы не показать ему, как мне больно. Потому что боль — это то, за что он и платит.

Я посмотрела на могилу отца, на его улыбающееся лицо на фотографии.

«Прости, папа. Прости, что я слабая. Что не могу умереть вместе с тобой».

— Согласна, — выдавила я. — Но с условием.

Решетов ажно бровь приподнял от такой наглости. Ничего, привыкай.

— Я буду работать на вас, буду отдавать этот проклятый долг, — я посмотрела ему в глаза, вкладывая в слова всю ненависть. — Но я никогда не прощу вам смерть отца. Никогда. И в первую же возможность я уничтожу вас. Любым способом.

Мой враг постоял ещё с минуту, глядя на меня, как на забавную зверушку, а потом коротко усмехнулся:

— Договорились, — он протянул руку. — Значит, у тебя будет год, чтобы попытаться. У тебя год Виктория, чтобы уничтожит меня. Потому что если через год ты не сможешь этого сделать, то... То, значит, ты ни на что не способна. Ты всего лишь расходный материал, долг. А долги, девочка моя, я привык закрывать. Все. До единого. И тебя закрою. Тихо. Аккуратно. Как бухгалтерскую книгу.

Не видя ничего перед собой из-за пятен перед глазами, я пожала его горячую и сильную руку. руку. Ладонь обожгла, как лёд.

— Завтра за тобой заедут и привезут туда, где ты будешь жить, пока не отработаешь весь долг, — с этими словами Решетов развернулся и ушёл, оставив меня под дождём, и я рухнула на колени у могилы отца и разрыдалась.

Моя прежняя жизнь закончилась, и началась новая, в которой я была собственностью человека, который убил моего отца из-за денег.

Но ещё не знала, что через несколько месяцев всё поменяется, и это станет настоящим проклятием.

Глава 4

Квартира, куда меня привезли, была... неожиданной.

Я ожидала чего-то вроде барака или дешёвой хрущёвки, в конце концов, я была должницей, фактически рабыней. Но Решетов привёз меня в элитный комплекс в центре города, на двадцатый этаж, в апартаменты с панорамными окнами и дизайнерским ремонтом.

— Здесь будешь жить, — он бросил мне ключи. — Мебель есть, продукты закажи сама, карта на столе, лимит разумный. Телефон новый, все нужные тебе, — он выделил эти да слова голосом, — контакты уже внесены. Остальные тебе без надобности.

Я стояла посреди огромной гостиной, обнимая себя за плечи, и не верила происходящему.

Я смотрела на новый телефон, лежащий на стеклянном столике, — тонкий, гладкий, чужой. И вдруг поняла: в нём нет ни одного номера, который я знала наизусть. Ни подруги, ни соседки, ни бывшего однокурсника. Никого.

Он забрал у меня всё. Отца. Квартиру. Будущее. А теперь — даже право позвонить кому-то, кто знал меня прежнюю. Кто помнил меня не «должницей», а Викой. Смеющейся, живой, настоящей. Он стёр мою жизнь одним движением — как файл с рабочего стола.

Я чувствовала себя так, будто меня раздели. но не просто сняли одежду, я содрали кожу до мяса, до костей. Высосали мою память, выжгли напалмом всё, что было мне дорого.

— Почему здесь? — мой голос прозвучал глухо.

— Тебе нужно жить рядом, — пожал он плечами. — Я буду вызывать в любое время, не хочу ждать, пока ты доберёшься через весь город, — Решетов прошёл к окну и посмотрел на вид, открывавшийся с него. — К тому же, твою старую квартиру уже опечатали. Долги, помнишь?

Да. Я помню.

Папина квартира, где прошло моё детство, где каждый угол дышал воспоминаниями — больше не моя.

Я сглотнула комок в горле.

— Что именно я должна делать?

— Разное, — он обернулся, изучая меня взглядом. — Сегодня, например, отвезёшь документы по адресу, который пришлю. Завтра — встреча с клиентом, будешь сидеть рядом и молчать. Послезавтра — ещё что-нибудь. Ты нужна мне как помощник и... присутствие.

— Присутствие?

— Некоторым людям проще вести дела, когда в комнате женщина. Успокаивает, отвлекает, создаёт иллюзию цивилизованности, — он усмехнулся без тени юмора. — Ты будешь этим присутствием. Дешёвым, народным, понятным.

Я сжала кулаки.

— Я не декорация.

— Нет, — согласился Решетов. — Ты должница, отрабатывающая долг. Разница небольшая, но есть.

Он направился к выходу, но остановился у двери.

— Правила простые. Первое: делаешь то, что говорю, без вопросов и споров. Второе: никаких попыток сбежать. Третье: никому ни слова о том, чем я занимаюсь. Нарушишь хоть одно — последствия будут болезненными. Ясно?

— Кр-р-ристально, — выплюнула я.

Решетов кивнул и ушёл. Непробиваемый подолок.

Я осталась одна в чужой квартире, с чужой жизнью, в чужой шкуре.

Села на диван и тихо заплакала от безнадёжности.
Ещё вчера у меня был отец, работа, планы на будущее.
Теперь у меня не было ничего. Только долг и ненависть.

...

Первую неделю я провела в каком-то мутном оцепенении и никак не могла раздуплиться, что и зачем я делаю. Решетов вызывал меня по несколько раз в день. То передать пакет (я не знала, что внутри, и боялась спросить), то отвезти документы, то присутствовать на встрече.

Встречи были... странными.

Я сидела в углу кабинета или ресторана, молчала, слушала и наблюдала. Решетов разговаривал с людьми — бизнесменами, криминальными авторитетами, чиновниками.

Всегда спокойно, всегда жёстко. Он не повышал голос, не угрожал открыто, но его слова, взгляд, сама атмосфера вокруг него — всё просто вопило: не спорь, не обманывай, не пытайся обвести вокруг пальца.

И люди подчинялись. Платили, договаривались, выполняли обещания.

Я начала понимать, кто он такой. Не бандит в классическом смысле, не киллер. Он решала. Человек, который решает проблемы: Выбивает долги, заставляет выполнять договоры, убирает препятствия. Легально, если возможно. Не очень легально, если нужно.

И люди платили ему огромные деньги за услуги.

— Почему вы не боитесь? — спросила я однажды вечером, когда он завёз меня домой после особенно напряжённой встречи с каким-то авторитетом.

Он протарабанил пальцами, затянутыми в кожаные перчатки, по рулю и повернулся ко мне.

— Чего?

— Что вас убьют, или посадят. Вы же работаете с криминалом.

Он усмехнулся.

— А меня пытались убить. Четыре раза, — он расстегнул пару пуговиц рубашки, показывая шрам на ключице. — Не получилось. Посадить — тоже пытались. Но я не оставляю зацепок и не даю возможностей. И не работаю с идиотами.

— А совесть? — я смотрела ему в глаза. — Вам не мучительно ломать людям жизни?

Решетов изучал меня несколько секунд.

— Я не ломаю жизни, Вика. Я возвращаю долги. Если человек взял деньги — он обязан вернуть. Это справедливо. Как и то, что ты отработываешь долг отца.

— Справедливо? — голос сорвался на крик. — Мой отец мёртв! Где здесь справедливость?!

— Твой отец был слаб. Не выдержал ответственности за свои поступки, — Решетов давил на меня ледяным и тяжёлым взглядом и по моему телу прошла крупная дрожь. — Но ты — другая. Ты держишь удар. Поэтому ты выживешь.

Он перегнулся через меня, открыл замок дверцы и толкнул дверь её, открывая шире:

— Выметайся, — бросил, как собаке.

Я отстегнула ремень безопасности, чуть не вырвав его, и выскочила из машины, с яростью и смачно шваркнув дверью.

Он, не глядя даже на меня, плавно вырулил со двора, а я осталась стоять, дрожа от ярости и чего-то ещё.

Чего-то, что не должна была чувствовать.

Глава 5

Вторая неделя была хуже.

Решетов начал давать более сложные задания. Встречи в опасных районах, передача «пакетов», которые явно содержали что-то нелегальное. Однажды я стояла в тёмном переулке в два часа ночи и ждала человека, который так и не пришёл.

Зато вместо него появились трое громил.

— Эй, красотка, — один из них ухмыльнулся. — Одна здесь? Небезопасно.

Я сжала в кармане баллончик со слезоточивым и парализующим газом, который Решетов дал мне в первый же день, сказал: «На всякий случай».

— Я жду человека.

— Мы видели, — второй подошёл ближе. — Такая милая девочка. Решетов совсем рехнулся, отправляя тебя одну.

Они знают Решетова?

— Отойдите, — я отступила, выхватывая баллончик.

Третий засмеялся.

— Ого, с характером. Нам нравятся такие.

Он потянулся ко мне, но я не стала ждать, чем это закончится, и, крепко зажмурившись и задержав дыхание, сразу распылила ему прямо в глаза половину баллончика.

Резку развернулась на пятках, и уже убегая слышала позади себя дикий ор и маты вперемишку с угрозами.

Я бежала, как никогда в жизни, я и не знала, что могу бегать с такой скоростью. Моё сердце колотилось, дыхание рвалось, но они догоняли, их шаги грохотали за спиной всё ближе и ближе.

Я выскочила на освещённую улицу, металась по дороге, ловила такси, но машины проносились мимо.

Вдруг чья-то рука схватила меня за плечо и рывком развернула на сто восемьдесят.

— Думала, убежишь?

Я замахнулась баллончиком снова, но он выбил его из руки. Второй громила схватил меня сзади и скрутил руки.

— Ничего личного, детка. Просто передай Решетову, что мы помним старые счёты.

Я дёргалась, кричала, но на пустынной улице никого не было.

Меня швырнули на асфальт. Колени обожгло, ладони тоже. Я попыталась встать, но сапог впечатал меня обратно, между лопаток прилетело так, что из лёгких вышел весь воздух.

— Лежи.

Второй присел рядом, схватил за волосы и запрокинул мне голову. Я видела его лицо вблизи — щетина, шрам через бровь, улыбка, оскал, от которого холодеет внутри.

— Красивая, — протянул он. — Решетов знает толк.

Он вытащил нож, небольшой такой, с щербатым лезвием, и медленно, почти нежно, провёл кончиком по моей щеке, оставляя тонкую, влажную полосу.

Я почувствовала, как по коже побежала кровь. Тёплая. И как закричать не получается — горло сжало, голос пропал.

— Вот так, — он улыбнулся шире. — Тихо. Умница.

Первый тем временем навалился сверху, придавил коленом бедро, потянулся к ремню. Третий стоял на стреме, поигрывая моим баллончиком. Моим баллончиком. Подобрал, гад.

— Ничего личного, детка, — прошептал мне в ухо первый. — Просто передай Решетову, что мы помним старые счёты. Хотя... Жаль, что ты уже не сможешь.

Нож снова скользнул, теперь уже по ключице, по воротнику куртки. Лезвие прошло вдоль шва, и ткань расползлась, обнажив плечо. Холодный воздух обжёг кожу.

Я дёрнулась, крикнула, и получила пощёчину такой силы, что в глазах вспыхнуло белое. Во рту стало солоно и мир поплыл. Я услышала, как где-то далеко, на другом конце улицы, проехала машина.

Не остановилась.

Никто не остановится.

Никто не придёт.

Третий засмеялся, отшвырнул баллончик в темноту, и я слышала, как он стукнулся где-то далеко, за бордюром.

Я лежала на холодном асфальте, и до меня вдруг дошло: это всё. Здесь. Сегодня. Меня не спасут.

Решетов не придёт. Решетову я — расходный материал, он сам так сказал...

Первый наклонился, и я увидела его глаза — мутные, пустые. Он улыбнулся.

— Ну что, детка. Поиграем.

Лезвие легло мне на горло. Я почувствовала, как оно вдавливается чуть-чуть, словно пробуя. Мир начал расплываться, я уже почти не слышала, что они говорят. Я слышала только своё сердце — глухо, где-то в ушах, — и тонкий звон в голове, как перед обмороком. Веки потяжелели. Я закрыла глаза.

А потом услышала шаги.

Ровные.

Спокойные.

Неспешные.

Как будто кто-то шёл прогулочным шагом по этой пустой, мёртвой улице, где не ходит никто.

Я с трудом разлепила ресницы.

За спиной громилы стоял Решетов. Руки в карманах пальто, лицо как мрамор, ни единой эмоции. Он посмотрел на нож у моего горла, на кровь на моей щеке, на задранный ворот куртки, и сказал ровно, почти скучающе:

— Отпусти.

Громила замер, потом медленно обернулся, и я увидела, как его лицо меняется, как с него сползает ухмылка, как расширяются глаза, как он инстинктивно убирает нож от моего горла.

Решетов подошёл к громилам. Я не видела, что он сделал, всё произошло слишком быстро. Удары, хруст, крики и меньше, чем через минуту трое уже лежали на асфальте, стояли и корчились.

Решетов обернулся ко мне и протянул руку.

— Вставай.

Я смотрела на него, на этого человека, который только что уничтожил троих, не запыхавшись.

Который спас меня.

Который довёл моего отца до смерти.

— Почему вы пришли? — прохрипела я.

— Я всегда рядом, когда отправляю тебя на задание, — он помог мне подняться. —

Страховка.

— Значит, вы знали, что это опасно?

— Знал.

— И всё равно отправили меня?!

Решетов посмотрел мне в глаза.

— Проверял, выдержишь ли, — он отпустил мою руку. — Выдержала, молодец.

Ярость вспыхнула мгновенно, ослепляющая и парализующая инстинкт самосохранения. Я замахнулась и ударила его в грудь. Я лупила в него кулаками, как в стену, — без толку, но я била снова и снова, вкладывая в каждый удар всё, что у меня было.

Отца. Кладбище. Конверт. «Расходный материал». Нож у горла.

Ладонь загорелась, костяшки обожгло, но я не чувствовала боли. Только бы бить. Рвать. Уничтожить.

— Ненавижу! — кричала я, захлёбываясь. — Ненавижу тебя! Ты! Ты во всём виноват! Ты довёл его! Ты! Ты!

Он не пошатнулся, даже не поднял рук, стоял, как скала, — руки в карманах пальто, лицо спокойное, и только смотрел на меня, как смотрят на истерику ребёнка.

Мой кулак врезался в его плечо, в грудь, скользнул по щеке, но он даже не мигнул. И это равнодушие было страшнее любого ответного удара.

Я попыталась ударить ещё раз, но он перехватил моё запястье.

— Хватит, — сказал он тихо.

И вдруг рывком, резко, притянул меня к себе так, что я уткнулась лицом в его пальто, в жёсткую ткань, пахнущую холодом и дождём. Одной рукой он держал мои запястья, другой обхватил за спину, прижал к себе, не давая вырваться, не давая упасть.

Я дёргалась, колотила его плечо свободным кулаком, но он только сжимал крепче и держал. Молча. Долго. Пока мои попытки вырваться и ударить не превратились в судороги, пока крик не сорвался в шёпот, пока злость не стекла куда-то вниз, оставив после себя только тёмную, липкую пустоту.

И в этой пустоте я вдруг почувствовала его тепло. Его дыхание. Я услышала, как бьётся его сердце. Ровно. Спокойно. Живое. Чужое. То, которое я только что хотела остановить.

Нет.

Нет-нет-нет.

Это невозможно.

Я оттолкнула его и отступила.

— Не трогайте меня, — голос дрожал. — Никогда больше не трогайте.

Решетов кивнул, лицо его снова стало непроницаемым.

— Как скажешь.

Глава 6

Прошло два месяца.

Два месяца жизни в золотой клетке, два месяца работы на человека, которого я поклялась уничтожить.

Но вместо того чтобы искать способ выполнить обещание, я... наблюдала. Изучала. Училась понимать его мир.

Мир Игната Решетова был жесток и прост одновременно. Ты берёшь — отдаёшь. Обещаешь — выполняешь. Нарушаешь — платишь. Никаких сантиментов, никаких оправданий. Только факты и последствия.

Я видела, как он работает. Спокойно, методично, беспощадно. Он никогда не повышал голос, не угрожал в лоб. Но его присутствие, взгляд, пауза перед ответом — всё это говорило больше любых криков.

Люди боялись его. И люди ему подчинялись.

Я тоже начала бояться. Но не его самого, а того, что чувствовала рядом с ним.

— Ты опять витаешь в облаках, — его голос вернул меня в реальность.

Я моргнула и собралась. Мы сидели в машине после очередной встречи, где какой-то бизнесмен полчаса оправдывался за просрочку по долгу. Решетов выслушал, кивнул и дал три дня.

Он был спокоен, как слон в спячке, но его взгляд обещал: Если через три дня денег не будет, разговор будет другим.

— Я не витаю, — буркнула я, глядя в окно. — Я думаю.

— О чём?

— О том, как вас уничтожить.

Он внимательно посмотрел на меня, а потом как-то невнятно промычал: "М-м...", потом хмыкнул и сказал:

— Два месяца прошло. Часы тикают, Виктория, осталось десять. А у тебя ещё конь не валялся.

Я сжала кулаки от обиды и гнева. Он прав, прав, мать его! Я за два месяца даже ни разу, по-настоящему, имею ввиду, даже не задумалась над исполнением своей угрозы!

Год — это вполне конкретный срок, и достаточно короткий, а я до сих пор не сделала ни шага. Потому что не знала как. Игнат Решетов был неуязвим — нет слабостей, нет зацепок, нет врагов.

Нет. Есть те, кто люто его ненавидит и мечтает увидеть его мёртвым. Но врагов — нет. Он как крепость без ворот.

— Может, я жду подходящего момента, — огрызнулась я.

— Может, — спокойно согласился он. — А может, просто боишься попробовать. Дать тебе пару советов?

Я вскинулась от такой самонадеянной наглости и резко обернулась.

— Я вас не боюсь! И советы ваши мне не нужны, я сама в состоянии убить вас!

Решетов остановил машину на обочине и развернулся ко мне. Его взгляд был тяжёлым, изучающим, как всегда, когда он хотел понять, что я думаю на самом деле.

— Правда? — он провёл пальцем по моей щеке, легко, почти небрежно. — Тогда почему ты дрожишь и прячешь глаза?

Потому... Потому что его прикосновение обжигало. Потому что его близость делала что-то странное с моим дыханием. Потому что его запах — терпкий, мужской, с нотками дорогого парфюма — кружил голову и заставлял забыть, кто он и что сделал.

Я отшатнулась, оттолкнув его руку довольно ощутимым ударом по ней.

— Не трогайте меня.

Решетов откинулся на сиденье и холодно усмехнулся.

— Как скажешь.

Он завёл машину, и мы поехали дальше, но напряжение в салоне стало таким тяжёлым, что я едва дышала.

Я ненавидела это. Ненавидела, что моё тело реагирует на него — учащается пульс, сжимается что-то внизу живота, хочется прикоснуться, хочется запустить пальцы в его волосы и оттянуть... Это было неправильно. Извращённо.

Он виноват в смерти отца.

Я должна его уничтожить, а не... не хотеть...

Вечером Решетов вызвал меня к себе. Не в офис, а именно к себе домой.

Войдя, я замерла на пороге его квартиры, чувствуя, как внутри всё сжимается от тревоги.

— Чего надо? — смело, по-хамски и очень дерзко поинтересовалась я. Но у меня так внутри всё тряслось, что было вялотекущее сотрясение мозга и соображать я не могла.

— Заходи, — он прошёл вглубь, не оборачиваясь и не обращая никакого внимания на мою борзость.

Квартира была такой же, как и он сам — дорогой, но пустой. Минимум мебели, никаких личных вещей. Как гостиница для человека, который не задерживается нигде надолго.

— Завтра важная встреча, — сказал Решетов, доставая бутылку виски. — Заберу тебя рано утром. Будет удобнее, если ты переночуешь здесь.

О, нет, вот такого царского жеста мне не надо было! Я могу встать в час, два, три и четыре ночи, чтобы успеть собраться, но только не здесь ночевать.

— Я могу приехать утром сама, — сразу отказалась я.

— Нет, — обрубил он мои благие намерения, налил себе жгучего пойла и выпил залпом. — Я хочу, чтобы ты ночевала здесь и здесь безопаснее.

Я нахмурилась. Мне не понравились сразу две вещи: я остаюсь здесь и... Безопаснее???

— Безопаснее от чего?

Решетов посмотрел на меня долгим взглядом, потом поставил бокал.

— Я так понимаю, по первому пункту у тебя возражений нет? — даже бровь изогнул в насмешке, но мне как-то не до насмешек сейчас было.

Я думала, опаснее Решетова нет никого, однако...

— Есть, — я продолжала стоять у двери, вцепившись в её ручку, — но сейчас меня интересует моя безопасность. Есть что-то, что для меня опаснее, чем вы?

— За тобой следили последние два дня. Я убрал хвост, но подстраховаться не помешает.

Чего? За мной? Следили?? Я же просто передаст! Туда отнеси, сюда отвези, там заberi, хос-спаде-е-е, кому я-то помешала-то???

— Кто? — я о-о-очень надеялась, что сейчас мой голос не дрожал.

— Люди, недовольные моей работой, — он пожал плечами. — Ты работаешь на меня а значит — ты потенциальная мишень. На моей работе это не скажется, а вот на твоей... жизни, очень даже вполне.

— И вы решили использовать меня как приманку? — ярость вспыхнула мгновенно.

И тут я впервые в своей жизни увидела на его лице эмоцию. Нет, не так: Я увидела, как он ОХРЕНЕЛ!

Ну да, глупость брякнула, кто же к нему домой-то сунется, но мне вот не легче! Я же не буду у него постоянно жить?!

— Нет, — его голос стал жёстче.

Он засунул руки в карманы брюк и перекатился с пятки на носок и обратно, рассматривая меня с таким неподдельным интересом, как будто я пукнула у него под носом!

Потом он снова налил себе в бокал виски и повернулся ко мне.

— Я решил убрать угрозу до того, как она станет проблемой. Что и сделал. Но пока ситуация не устаканится, ты остаёшься здесь.

Я смотрела на него, не зная, что сказать. Злиться? Благодарить?

— Почему вы это делаете? — выдавила я. — Я же для вас просто должница, расходный материал. Так боитесь, что долг не успею отдать?

Решетов от такой придурости даже замер с бокалом у губ. Ну, кто знает... Может, я его сейчас доконаю своей космической глупостью?

Потом он поставил бокал на столик, и медленно, как хищник, выбирающий момент для броска, подошёл ко мне.

— Должна быть просто расходным материалом, — тихо произнёс он, останавливаясь в сантиметре от меня. — Но ты усложняешь всё, Виктория.

Его рука скользнула мне на затылок и сгребла мои волосы в кулак. Я от изумления раззявила рот и замерла, глядя ему в глаза.

— Как? — прошептала я, чувствуя, как сердце бешено колотится.

— Просто усложняешь, — он притянул меня ближе, его губы почти касались моих. — И я не знаю, что с этим делать.

— Отпустите меня, — выдохнула я, но не отстранилась.

— Не хочу, — его взгляд потемнел. — И ты тоже не хочешь. Я вижу.

Не успела я возмутиться и сказать что нет, не хочу, как он впился в мои губы.

Глава 7

Он впился в мои губы, и у меня искры из глаз посыпались, а заодно и память отшибло к фигах собачьим.

Не было кладбища. Не было конверта. Не было отца, лежащего под ещё свежим холмом. Был только его рот — жёсткий, требовательный, без единого грамма нежности, — и его рука в моих волосах, сжимающая так, что по коже головы растекалась тупая боль. И эта боль была приятной, возбуждающей, перехватывающей дыхание, и от этого осознания меня замутило.

Я должна была оттолкнуть, замахнуться, ударить, разбить ему губу наконец или прокусить её.

Но вместо этого мои пальцы сами вцепились в лацканы его пиджака, сжали ткань, потянули на себя, и я услышала, как он коротко, почти зло, выдохнул мне в рот.

— Вот так, — прошептал он в перерыве между поцелуями. — Вот так, Виктория, вот так. Не надо врать хотя бы своему телу.

— Заткнитесь, — выдохнула я и снова впилась в него, прям зубами, до крови, до солёного привкуса на языке.

Он усмехнулся, и я почувствовала эту усмешку губами, а в следующую секунду меня оторвали от пола. Просто подхватили под бёдра и прижали спиной к стене.

Я вскрикнула от неожиданности, от холода штукатурки, от того, как бесцеремонно и уверенно его руки сжали мои ягодицы, притягивая ближе, вдавливая в него.

— Тихо, — бросил он. — Дом пустой. Но всё равно — тихо.

Я хотела ответить какой-нибудь дерзостью, но он уже стягивал с меня куртку, даже не растёгивая, а просто разрывая на крючках, и я слышала, как пуговицы скачут по паркету, и мне было плевать.

Плевать на куртку. На всё. Его губы спустились к шее, к тому месту, где два месяца назад лезвие пробовало мою кожу, и он поцеловал этот шрам. Медленно. С языком. Как будто извиняясь. Как будто благодаря.

— Ненавижу, — прошептала я ему в висок, с каким-то извращённым удовольствием запуская свою пятерню в его волосы и с силой стягивая их в кулаке.

— Знаю, — усмехнулся он и облизал моё ухо своим горячим, влажным языком.

Его рука скользнула под футболку, к груди, грубо сжала её, по-хозяйски, так, что у меня дыхание перехватило. Большим пальцем он провёл по соску, и я выгнулась, сама не понимая, что делаю.

— Ненави-и-жу-у-у-у... — простонала я громче.

— Продолжай, — он прикусил мочку моего уха. — Мне нравится, как ты это говоришь, когда твои бёдра сжимают мою талию.

Сволочь. Он всё видел. всё понимал, и не давал мне ни единой иллюзии — ни протеста, ни сопротивления. Он просто брал то, что уже лежало у него в руках. Меня. Всю. Целиком.

Он снова подхватил меня под попу, оторвал от стены, развернулся и понёс меня через гостиную.

Я не знала, где у него спальня, но несли меня явно не туда. Мы прошли в большую комнату и меня посадили на стол.

Точнее держа меня одной рукой, второй он просто смахнул со стола всё, что было — папки, часы, вазу, бокал с виски, который щедро разлил своё содержимое по полу, и бросил меня туда, спиной на холодную столешницу. Лампа над столом качнулась и свет полоснул по глазам.

— Решетов, — выдохнула я, упираясь локтями.

— Заткнись, Виктория, — с этими словами он рывком, вместе с бельём, стянул с меня джинсы, положил свои ладони мне на колени и резко развёл их в стороны.

Я уже открыла рот, чтобы завизжать, но воздух застрял у меня в горле, когда он опустился на колени и припал ртом к моим уже влажным губкам между ног.

Мои глаза съехались к переносице, а когда его язык коснулся меня, я вцепилась в край стола и застонала так, что сама себя не узнала.

Это не было похоже ни на что, что было у меня раньше. Это было не лаской, это было допросом. Он вёл языком медленно, настойчиво, раз за разом возвращаясь к одной точке, и держал меня за бёдра, не давая сдвинуться ни на сантиметр. Я не могла ни убежать, ни приблизиться. Я могла только лежать, вцепившись обоими руками в край стола и медленно и мучительно сходить с ума.

— Хватит, — прошептала я через минуту, задыхаясь. — Пожалуйста, хватит...

Он поднял голову и посмотрел на меня. Его рот блестел, а глаза были как тлеющие угли.

— Нет, — сказал он ровно. — Теперь уже до конца.

И вернул свой рот туда, где был. Я сжимала зубы, закусывала губы, чтобы не кричать, и всё равно кричала.

Он не останавливался ни на секунду, не давал мне передышки, он вёл меня к краю так же уверенно и целенаправленно, как вёл свои дела, как считал чужие долги, — до последней копейки, до последней секунды.

И когда я сорвалась, когда тело выгнулось дугой и меня накрыло белой волной, я услышала собственный длинный, хриплый, чужой стон и поняла, что проиграла.

Он выпрямился, и не спеша расстегнул ремень, глядя мне в глаза. Рубашку он тупо стянул рубашку через голову вырвав на ней все пуговицы, и я увидела шрамы. Несколько, старые, белые, на боку, на плече. Он тоже не был неуязвим. Он просто научился это прятать.

— Смотри, — сказал он. — Смотри, кого ты ненавидишь.

Он провёл ладонью по себе — медленно, снизу вверх, будто проверял, всё ли на месте, и я поймала себя на дурацкой мысли: ну конечно, всё на месте, где ж ему быть, у таких, как он, всё всегда идеально разложено по полкам. Даже это.

— Долго любоваться собираешься? — прохрипела я, потому что молчать было страшнее.

— А ты тоже смотришь, — усмехнулся он.

Гад. Смотрела.

Он так по-хозяйски устроился между моими бёдрами, поддёрнув меня поближе к себе по столу, что у меня внутри всё сжалось от возмущения и — чёрт, чёрт — предвкушения.

Глава 8

А потом он двинулся вперёд и вошёл сразу, глубоко, без всяких прелюдий, будто вопрос давно был решён и без меня.

Я выдохнула сквозь зубы и зажмурилась, поджав пальцы на ногах. Твою ж мать... Он был крупный, тяжёлый, и растягивал так, что перед глазами мелькали мушки, мозг поплыл окончательно, а губы сами разомкнулись на каком-то неприличном звуке, за который мне тут же стало стыдно. Самую малость. Секунды на полторы.

Он тут же накрыл мне рот ладонью, склонившись надо мной.

— Тихо, — выдохнул он мне в лицо. — Дом пустой. Но я хочу слышать только себя.

Я укусила его за ладонь, но он не отдёргнул руку, только усмехнулся, и начал двигаться.

Это не был секс, это была какая-то расплата. Он брал меня так, как берут долг — жёстко, без снисхождения, до полного расчёта. Стол скрипел, лампа раскачивалась, тени метались по стенам, а он всё не сбавлял темпа.

Мои ногти оставляли борозды у него на спине и я чувствовала, как под ними рвётся кожа. Он не издал ни звука, ни разу только тяжело и неровно дышал и смотрел на меня в упор, не отводя взгляда. Как будто хотел запомнить моё лицо именно таким — разбитым, растерянным, отданным.

— Скажи, что ненавидишь, — прохрипел он.

— Ненавижу.

Он ударил глубже и сильнее, и я вскрикнула.

— Ещё.

— Ненавижу тебя.

— Ещё.

— Ненавижу...

Я не помню, сколько это длилось. Минуту, пять, десять. Время исчезло, как и всё остальное. Осталось только его тело, жёсткое и горячее, и моё, которое предавало меня каждую секунду.

Оно изгибалось, подавалось навстречу, сжималось вокруг него и требовало большего.

Я ненавидела себя за каждый стон, который вылетал из моего горла. Я ненавидела его за то, что он был прав — я хотела. Хотела так, что кружилась голова.

Когда мои глаза уже стали закатываться он замер, и медленно, очень медленно вышел из меня, и я возмущённо завывала и дёрнулась, пытаюсь насадиться на его член обратно.

— М-м-м, — он приставил головку к входу и замер. — Вот теперь ненавидишь по-настоящему.

— Скажи, что хочешь ещё, — прошептал, крепко держа меня за бёдра так, что я не могла сдвинуться ни на миллиметр.

"НЕТ!" — открыла я рот, чтобы прокричать, и выдала протяжное: Д-да-а-а-а-а-а.....

Он сразу же начал двигаться, размеренно, глубоко, каждым толчком выбивая из меня остатки гордости. Я цеплялась за его плечи, за спину, за эти дурацкие шрамы, и с каждым разом внутри становилось всё горячее, всё туже, становилось всё бессмысленнее сопротивляться.

Он поймал ритм, от которого у меня закатывались глаза, ускорился, вжал мои запястья над головой одной рукой так легко, как будто я вообще была тряпчатой, и наклонился к самому уху:

— Вот так, — шептал он. — Вот так, Виктория. Не сопротивляйся. Хотя бы здесь не сопротивляйся.

И я не сопротивлялась.

Потом он стащил меня со стола, грубо развернул меня лицом к стене, впечатал в неё, с силой, до синяков, вцепился пальцами в бёдра и резко в меня вошёл, вышибив из меня дух.

Теперь я не видела его лица, только стену, шершавую, холодную, об которую билась моя щека. И чувствовала его дыхание у самого уха.

Он не дал мне привыкнуть, не дал опомниться. Первый же толчок вышиб из меня воздух вместе с остатками гордости, я вскрикнула, звук расплющился о стену и вернулся ко мне чужим.

Второй. Третий. Он вбивал меня в эту стену, как гвоздь, — размеренно, глубоко, без единой паузы, и с каждым движением мои ноги подкашивались всё сильнее, и держаться я могла только на его руках, вцепившихся в мои бёдра.

— Держись, — выдохнул он в затылок. — Сама.

Я вцепилась ногтями в штукатурку с такой силой, что отломился кусок, прям посыпался белой пылью. Его бёдра били по моим, глухо и ритмично, как молот, и этот звук, шлепки, скрип моей ладони по стене, моё сбитое дыхание — всё это слилось в один сплошной гул, в котором я перестала различать, где заканчивается он и начинаюсь я.

Я стояла, распластанная по стене, и уже ничего не соображала, не чувствовала, кроме его огромного и горячего члена, который трахал меня, как в последний раз.

Кончила я неожиданно для себя. Просто сорвалась, как с обрыва, без предупреждения. Тело выгнулось, вытолкнуло его на всю глубину, и меня накрыло волной такой силы, что я перестала видеть.

Стена исчезла, комната исчезла, даже его пальцы, впившиеся в моё тело — тоже исчезли. Осталось только белое, горячее, слепящее, и мой стон, длинный, хриплый, бесстыжий, который я уже не пыталась сдерживать.

Он замер на секунду — только на секунду, — а потом его дыхание сорвалось в рычание, пальцы впелись в мои бёдра до боли, до синяков, и он начал брать меня иначе.

Быстрее. Жёстче. Неровно. Уже не считая, не контролируя — просто гоня. Это был уже не расчёт, это было чистое, животное, злое желание. И я, ещё не отойдя от собственного, слышала, как он ломается, как из горла у него вырывается низкий, глухой стон, как он вжимает меня в стену всем телом, вбиваясь последний раз так глубоко, что мне показалось, что сейчас он проткнёт меня насквозь.

Он кончил. Со стоном — сдавленным, почти злым. Пальцами в моей коже. Лбом в моём затылке. Дыханием в моё плечо.

И мы замерли. Так и стояли — он позади, внутри, прижав меня к стене, и я — распластанная, пустая, взмокшая. Только сердце колотилось в горле. И его — в мою спину.

Упавшая на нас тишина была громче всего, что было до неё.

Потом он медленно отстранился, я почувствовала, как он выходит, и меня повело в сторону. Колени не держали меня и я сползла по стене, села на пол, обняла колени и положила на них голову. Лицом вниз. Чтобы не видеть его.

Паркет был холодный. Внутри — пусто. И гулко.

Решетов поднял голову и посмотрел на меня.

— Это ничего не меняет, — сказал он хрипло, убирая член в боксеры и застёгивая ширинку на брюках. — Ты всё ещё должна мне. И ты всё ещё можешь попытаться меня уничтожить.

Я горько и устало усмехнулась.

— Знаю.

Мой враг, жестокий и циничный решала, убивший моего отца, неспеша застёгивал ремень на своих брюках, даже не глядя на меня.

Что я наделала?

Переспала с человеком, виновным в смерти отца.

Предала его память.

Но самое страшное... Самое страшное, что я до скрежета зубов хотела это повторить.

Я хотела это повторять снова и снова.

Наконец Решетов протянул мне руку, помогая встать.

— Гостевая комната справа. Завтра рано вставать.

Я встала без его помощи, оставив его стоять с протянутой рукой, кивнула и пошла в комнату. Там я, даже не закрываясь, одетая легла на кровать, глядя в потолок.

Что теперь?

Как я могу уничтожить человека, которого начинаю хотеть больше, чем воздух?

Телефон завибрировал. Я с трудом протянула руку и увидела уведомление об смс с незнакомого номера.

Странно, никто ведь не знал мой номер. Я лениво разбокировала телефон и прочитала сообщение:

"Виктория, нам нужно поговорить. Я знаю правду о твоём отце и о Решетове. Встреча завтра, адрес вышлю. Елена".

Я уставилась на экран.

Кто такая Елена?

И какую правду она знает?

И нужна ли мне эта правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.